

русь от 25.11.2011 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

35. Saeima adopts provisions on recognition of dual citizenship (09.05.2013.) // Latvijas Republikas Saeima [Electronic resource]. – URL : <http://www.saeima.lv/en/news/saeima-news/20957-saeima-adopts-provisions-on-recognition-of-dual-citizenship>.

36. Code de la nationalité belge // DroitBelge.Net [Ressource électronique]. – URL : <http://www.droitbelge.be/codes.asp#nat>.

Статья поступила в редакцию 20.07.2013 г.

КАТЕГОРИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е. А. Дейкало

В статье анализируется сущность категории ответственности в международном и внутригосударственном праве. Проводя сравнительно-правовой анализ, автор рассматривает категорию ответственности через призму особенностей, характерных для национального и международного права как различных правовых систем. В результате делается вывод о невозможности и нецелесообразности оценки эффективности функционирования международно-правовой ответственности при помощи категорий внутригосударственного права.

The article is devoted to the analysis of the essence of category of responsibility in international and in national law. Making a comparative legal analysis, the author looks at the category of responsibility taking into account specific features, typical for national and international law systems. One of the main conclusions is about impossibility and inexpediency of evaluation of international responsibility through the categories of national law.

Ключевые слова: правовая система, юридическая ответственность, негативная ответственность, позитивная ответственность, принуждение, правоотношения ответственности, правосознание.

Keywords: legal system, legal responsibility, negative responsibility, positive responsibility, enforcement, legal relationship, sense of justice.

Юридическая ответственность – один из видов социальной ответственности наряду с моральной, религиозной, исторической, политической и т. д., который имеет свои особенности, вытекающие из специфики системы, в которой данный вид ответственности действует, – правовой системы. Общесоциальный характер ответственности присущ юридической ответственности, существующей в любой правовой системе – как во внутригосударственном, так и в международном праве. В рамках национального права речь идет об ответственности членов общества, существующего

внутри государства и являющегося его неотъемлемой частью (т. е. субъектов национального права), перед этим государством. В рамках международного права речь идет об ответственности членов международного сообщества – в основном государств и международных организаций (т. е. субъектов международного права) – за свои действия перед самим данным сообществом.

Процесс становления международно-правовой ответственности проходил довольно сложно и очень долго. Эволюционировав более чем за 100 лет из принципа (конец XIX – начало XX в.) в самостоятельную отрасль международного права (начало XXI в.), международно-правовая ответственность была и остается юридическим стержнем международного права – тем, что делает международное право правом. Итальянский юрист-международник Р. Аго отмечал, что тот, кто отрицает идею ответственности государств, отрицает существование международного правопорядка [1, р. 205]. Вместе с тем концепция ответственности в международном праве неизбежно сталкивается с концепцией суверенитета, которая выражается в принципе суверенного равенства основных субъектов международного права – государств. Французский ученый А. Пелле отмечает в этой связи, что ответственность оказывает влияние на категорию суверенитета, также как и присутствие суверенитета в межгосударственных отношениях не может не влиять на концепцию международно-правовой ответственности (далее – МПО) [2, р. 3].

В определенной степени это осложняет процесс реализации норм международного права. В этой связи функционирование международно-правовой ответственности часто определяют как неэффективное. Более того, иногда с точки зрения некоторых юристов, занимающихся внутригосударственным правом, либо просто людей, скептически настроенных в отношении международного права, такая «неэффективность» ставит под сомнение юридическую сущность международного права, превращая его в некую политическую категорию.

Основной проблемой и одновременно ошибкой в данном контексте является попытка применить содержание основных категорий, связанных с институтом ответственности во внутригосударственном праве (состав правонарушения, вина, ущерб, реализация ответственности, государственное принуждение), к таким же категориям, существующим в рамках международно-правовой ответственности. Так как данные категории *a priori* не могут применяться в рамках международного права в том смысле, в котором применяются в национальном праве, то в результате таких неудачных попыток, как правило, и появляются нигилистические суждения относительно неполноценности международного права как правовой системы.

На наш взгляд, необходимо полностью абстрагироваться от понимания и оценки эффективности международного права с помощью категорий вну-

тригосударственного права. Проводя сравнительный анализ любых правовых категорий в данном контексте, следует «примерять» к двум данным правовым системам одни и те же понятия, в каждом случае тщательнейшим образом учитывая специфику каждой из указанных систем.

Специфика международного права как системы и его отличие от внутригосударственного проявляется в четырех аспектах: специфические субъекты, специфический объект правового регулирования, специфика процесса нормотворчества и специфика процесса правореализации. В международном праве субъекты, обладающие суверенным равенством, занимают и правотворчеством, и правореализацией. При этом ключевую роль в этих процессах играет их воля. Итальянский юрист-международник А. Кассезе отмечает, что международный правопорядок – таков, каким его делают сами субъекты [3, р. 3]. Безусловно, все это не может не отразиться на сущности и на понимании категории международно-правовой ответственности. Многие авторы отмечают особую необходимость учета специфики международно-правовой ответственности при исследовании либо оценке данной категории, а особенно при ее сравнении с ответственностью во внутригосударственном праве [2, р. 3; 4, с. 12; 5, с. 38].

Следует особо подчеркнуть, что ни в международном, ни во внутригосударственном праве в настоящий момент не существует общепризнанного определения юридической ответственности, как и, собственно, единого понимания данной категории.

Все рассуждения о понятии ответственности в юриспруденции сводятся, как правило, к соперничеству двух основных концепций – позитивной (проспективной) ответственности и негативной (ретроспективной) ответственности. Позитивная ответственность возникает до совершения правонарушения и состоит в правомерном поведении субъекта, осознании обязанности действовать правомерно. Концепция негативной ответственности сводится к тому, что ответственность может наступать лишь за уже свершившееся правонарушение и всегда должна быть связана с претерпеванием субъектом каких-либо отрицательных последствий.

Подавляющее большинство юристов рассматривают категорию ответственности исключительно в негативном аспекте, отрицая присутствие позитивного аспекта как необходимого и в принципе как юридически значимого.

При этом среди сторонников концепции негативной ответственности существует два основных подхода к сути данной категории. Один заключается в том, что ответственность – это мера государственного принуждения. Данный подход характерен для советской школы теории права [6, с. 36; 7, с. 314; 8, с. 42], а также и для современной российской правовой доктрины [9, с. 636]. Другой подход к понятию ответственности состоит в том, что ответственность – это сама обязанность нести кару за правонарушение или само несение такой кары [7, с. 51]. Данная точка зрения является господствующей в белорусской доктрине теории права [10, с. 416; 11, с. 436].

Несмотря на различное понимание сути негативной ответственности разными авторами, можно выделить ее основные элементы: совершение международно-противоправного деяния, принуждение к исполнению обязанности со стороны государства, юридическое осуждение, общественное осуждение, наказание как отрицательное последствие (либо в форме лишения права, либо в форме возложения обязанности, либо в смешанной форме, сочетающей в себе два данных элемента).

В контексте международно-правовой ответственности можно смело говорить о наличии каждого из этих элементов.

Что касается *совершения международно-противоправного деяния* (далее – МПД), то в соответствии с одним из основных принципов права международной ответственности, имеющим статус общеправовой нормы, каждое международно-противоправное деяние субъекта международного права влечет за собой его МПО (ст. 1 Проекта статей об ответственности государств за противоправные деяния 2001 г. (далее – ПСОГ) [12] и ст. 3 Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 г. (далее – ПСОМО) [13]).

Под *юридическим осуждением* понимается наличие нормативно закреплённых правовых последствий противоправного деяния, что также имеет место в обоих проектах статей (Часть II ПСОГ и Часть III ПСОМО). В контексте МПО также можно говорить о присутствии *общественного осуждения* – осуждения со стороны международного сообщества в случае любого нарушения норм международного права. Причем в отличие от национального права такое общественное осуждение может принимать документальную форму (например, принятие осуждающей резолюции Генеральной Ассамблеи ООН).

Также можно говорить о присутствии в рамках МПО такого элемента, как определённые *отрицательные последствия для правонарушителя*. Однако здесь вряд ли можно употреблять термин «наказание». Использование данного термина предполагает наличие вертикальных правоотношений, в которых один субъект может в принудительном порядке подвергнуть другого какому-либо наказанию. Исходя из суверенного равенства субъектов международного права, нельзя говорить о возможности наказания одним субъектом другого. Тем не менее в международном праве в качестве отрицательных последствий выступают юридические последствия совершения МПД, к которым относятся: обязанность прекратить противоправное деяние, предоставить гарантии его неповторения, если того требуют обстоятельства, и обязанность возместить причиненный ущерб (ст. 28–31 ПСОГ и ст. 28–31 ПСОМО). Таким образом, видно, что в основном отрицательные последствия в международном праве существуют в форме наложения обязательств. Вместе с тем могут быть случаи возникновения таких последствий и в форме лишения прав. Например, когда государство –

член какой-либо международной организации за нарушения устава, либо каких-либо иных правил организации лишается права голоса, либо вообще, в качестве крайней меры, лишается права членства в данной организации.

Что же касается *государственного принуждения*, то, безусловно, в рамках МПО мы не можем говорить о наличии такого элемента в том понимании, в котором он существует во внутригосударственном праве. Это, опять же, обусловлено суверенным равенством государств и отсутствием, вследствие этого, аппарата государственного принуждения в международном праве. Однако, как отмечал советский ученый П. Курис, принуждение нельзя отождествлять только с государственным принуждением [14, с. 18]. По мнению российского профессора И. И. Лукашука, ответственность может реализовываться и без санкций и государственного принуждения [15, с. 16].

В международно-правовых отношениях имеют место определенные механизмы принуждения, которые активизируются в случае невыполнения субъектом своих вторичных обязательств, вытекающих из правоотношений ответственности (т. е. юридических последствий, о которых говорилось выше). К ним относятся контрмеры (индивидуальные меры принуждения) и санкции (коллективные меры принуждения). Здесь также необходимо оговориться, что институт санкций в международном праве имеет совершенно иное содержание, нежели в национальном. Санкции в международном праве выступают не как структурный элемент нормы права, а как отдельный институт, регламентирующий принятие мер принуждения к выполнению вторичных обязательств, вытекающих из правоотношения ответственности. То есть определенные меры принуждения все же могут быть предприняты по отношению к нарушителю международно-правовых норм. При этом их применение регламентировано. Что касается контрмер, то условия, пределы и т. д. строго оговорены в ст. 49–54 ПСОГ и ст. 51–57 ПСОМО; санкций – единого акта, регламентирующего порядок их применения, нет. Тем не менее правила их применения также имеются и должны соблюдаться. Отступление от данных правил само по себе является нарушением международного права.

Таким образом, в международном праве *отсутствует аппарат государственного принуждения, но не сам институт принуждения*.

Исходя из приведенного анализа, можно утверждать, что негативная составляющая МПО имеет место в таком же составе, как и в национальном праве, однако содержание некоторых элементов негативного аспекта в данном случае несколько иное, что абсолютно естественно, если мы говорим об иной правовой системе.

Если говорить о позитивном аспекте категории ответственности, то в нем заключается основная специфика понимания категории МПО. Авторы, придерживающиеся концепции позитивной ответственности, определяют

ее как обязанность действовать правомерно, возникающую у субъекта уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет. Ответственность, с точки зрения, в частности, советского юриста П. С. Недбайло, – это положительное отношение индивида к своим обязанностям, чувство долга [16, с. 50–52]. Другой советский теоретик права В. М. Горшенев определял ответственность как признаваемую государством способность лица отдавать отчет в своем противоправном деянии и претерпевать на себе меры государственного принудительного воздействия [17, с. 104]. В. А. Терехов отмечал, что ответственность существует всегда, но применяется только тогда, когда нарушается обязательство и возникает необходимость в призвании к ответственности [18, с. 4–5]. М. С. Строгович говорил, что позитивная ответственность выражается в осознании лицом правового долга, необходимости неуклонно и добровольно исполнять свои обязанности [19, с. 75]. Таким образом, сторонники позитивной ответственности стоят на позиции включения в понятие ответственности не только негативного аспекта, но и позитивного.

Как уже было упомянуто, сторонники понимания ответственности в негативном смысле отрицают присутствие в понятии ответственности позитивного аспекта как необходимого. Хотя некоторые из них (например, белорусский профессор С. Г. Дробязко) справедливо отмечают, что «в обществе ответственность играет немалую роль во внедрении в сознание людей активной ответственности» [11, с. 436]. Коллектив белорусских авторов (А. Ф. Вишневецкий, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский), напротив, считает, что позитивную ответственность вообще невозможно рассматривать в качестве юридической, и позиционирует данные категории как «ответственность позитивная» и «ответственность юридическая» [10, с. 422].

Отрицание в понятии ответственности позитивного аспекта как необходимого связано, прежде всего, с пониманием противоправного деяния в национальном праве, а точнее, с пониманием вины как его необходимого элемента. Естественно, вина может присутствовать только в случае уже нарушенной нормы. Позитивный аспект в данном случае кажется необязательным.

Вместе с тем нельзя не отметить, что понимание позитивной ответственности, так же как и негативной, неоднозначно. Данная категория может пониматься в двух смыслах: позитивная ответственность как осознание своего долга перед обществом и позитивная ответственность как обязанность действовать правомерно. Хотя некоторые из упомянутых авторов соединяют данные характеристики позитивной ответственности (в частности, М. С. Строгович), с нашей точки зрения, это совершенно разные трактовки.

Первая связана исключительно с личным отношением субъекта к своим деяниям и действительно не может составлять суть юридической кате-

гории. Вторая – может быть не закреплена на нормативном уровне и тогда может являться частью первой (то есть частью личного отношения к своему поведению, когда субъект ощущает свой долг перед обществом и осознает, что он обязан действовать правомерно). Такая ситуация складывается в рамках внутригосударственного права.

Что касается МПО, здесь складывается иная ситуация, при которой общая для всех субъектов обязанность действовать правомерно, соблюдать свои международно-правовые обязательства закреплена на нормативном уровне и, более того, имеет статус императивной нормы. Речь идет об одном из общепризнанных принципов международного права – принципе *pacta sunt servanda* (лат. – договоры должны соблюдаться), который трактуется как принцип добросовестного соблюдения своих обязательств.

Таким образом, принципиальная разница между двумя данными трактовками позитивной ответственности в том, что обязанность осознавать свой долг никоим образом не может быть закреплена в качестве правовой нормы, в отличие от обязанности действовать правомерно, которая может как не иметь нормативного закрепления, так и, напротив, являться нормой права.

Безусловно, субъект национального права тоже обязан действовать в рамках закона. Однако в национальном праве нормативно закреплены лишь конкретные нормы, регулирующие те или иные правоотношения, за нарушение которых субъект несет ответственность. Нарушить же или нет ту или иную норму является личным выбором субъекта и регулируется исключительно нормами как его внутренней, так и общественной морали.

В международном праве, в отличие от национального права, как было отмечено выше, обязанность действовать правомерно закреплена на нормативном уровне, в качестве юридически обязательного правила императивного характера. То есть, нарушая ту или иную норму, субъект международного права не только делает свой выбор, руководствуясь собственными мотивами и интересами, но и нарушает императивную норму международного права. Как отмечает российский юрист-международник О. И. Тиунов, нарушение субъектом международного права своих международных обязательств порождает вопрос о его ответственности не только за отход от заключенного соглашения, но и за нарушение принципа добросовестного соблюдения международных обязательств [20, с. 93]. В данном контексте невозможно согласиться с тезисом упомянутого коллектива отечественных авторов о том, что позитивное понимание ответственности находится вне юридической связи «норма права – правонарушение – правовое воздействие в виде наказания», т. е. не имеет правовой значимости [10, с. 422]. Если выразиться точнее, данный тезис обоснован применительно к ответственности по внутригосударственному праву, но совершенно не работает в применении к международному праву. В случае МПО в ее позитивном аспекте как раз присутствует такая юридическая связь, о

которой говорят авторы: норма права (принцип *pacta sunt servanda*) – правонарушение (в случае нарушения конкретных обязательств всегда нарушается и указанный принцип) – правовое воздействие (наступление определенных юридических последствий).

Таким образом, в отличие от национального права, в международном праве споры о присутствии либо отсутствии позитивного аспекта в понимании МПО безосновательны, так как позитивный аспект в данном случае присутствует *a priori*. Однако именно в смысле обязанности действовать правомерно российский исследователь Р. Л. Хачатуров отмечает, что позитивная ответственность в международном праве представляет собой общее требование по обеспечению законности и правопорядка для всех субъектов международного права. Если они выполняют свои обязательства, то такое поведение считается юридически ответственным в смысле реализации позитивного аспекта правовой ответственности. То есть сущность позитивной ответственности в международном праве состоит в исполнении обязанности всех субъектов международно-правовых отношений действовать таким образом, чтобы нормы и принципы международного права претворялись в жизнь [21, с. 25].

Таким образом, категория МПО состоит из двух аспектов – позитивного и негативного. И. И. Лукашук, например, называет это «внутренней» и «внешней» ответственностью. Внутренняя ответственность обеспечивает должный уровень выполнения обязательств, за нарушение которых установлена внешняя ответственность [15, с. 14].

Исходя из этого можно сделать вывод, что международная ответственность имеет место всегда: до совершения противоправного деяния она существует в позитивной форме, затем происходит факт совершения противоправного деяния, – и ответственность начинает реализовываться в негативной форме. Также можно утверждать, что до совершения правонарушения ответственность как бы находится в пассивной форме, т. е. нормы, регулирующие юридические последствия совершения международно-противоправного деяния, не активизированы. В случае же совершения противоправного деяния, т. е. наступления основания возникновения ответственности, такие нормы активизируются и ответственность начинает реализовываться в своей активной форме. В таком контексте особенностью международного права является то, что позитивный и негативный аспекты имеют нормативное закрепление, но регулируются различными нормами. Позитивный аспект – первичными нормами, налагающими обязательство, негативный – вторичными нормами, закрепляющими последствия невыполнения такого обязательства.

Следует подчеркнуть, что в регуляции соблюдения международно-правовых норм преобладает именно позитивный аспект ответственности. Р. Л. Хачатуров отмечал, что позитивная ответственность занимает не-

сравнимо большее место в международных отношениях, чем ретроспективная, и именно она играет первостепенную роль в деле развития сотрудничества всех государств [21, с. 25].

Безусловно, необходимо признать, что такая концепция укладывается в рамки внутригосударственного права с определенными сложностями. В первую очередь это сложности, связанные с вертикальным построением системы правоотношений между субъектами правотворчества, правореализации и адресатами норм права. В рамках национального права элемент государственного принуждения играет особую роль, так как отсутствует элемент согласования воли субъектов по поводу содержания норм права и механизмов их реализации. Субъект национального права как бы ставится перед фактом, что он должен соблюдать те или иные нормы права, и в случае их неисполнения его ждет определенное наказание. В результате негативный аспект играет куда большую роль, нежели позитивный, так как между теми, кому адресованы правовые нормы, и теми, кто их адресует и кто следит за их исполнением, установлены отношения соподчинения, в которых один субъект законодательно уполномочен контролировать поведение другого.

В международном праве складывается иная система взаимоотношений между субъектами. Как уже подчеркивалось выше, международное право как правовая система уникально тем, что его субъекты одновременно являются и адресатами норм права, и правотворцами, и правореализаторами. При этом основной принцип, который лежит в основе всего международного правотворчества и любых правоотношений в рамках международно-правового регулирования – согласование воли субъектов. В данном случае отношения между субъектами выстроены по горизонтали. Они (субъекты) равны между собой в правах и обязанностях и должны уважать и не нарушать такое равенство. Они согласуют свои воли относительно содержания норм, регулирующих их правоотношения в различных областях, и сами же следят за их выполнением.

Таким образом, вполне естественно, что субъекты такой правовой системы будут в первую очередь стараться соблюдать то, что они закрепили для себя в качестве правовой нормы. Сознательное соблюдение норм в данном случае – лучший правоохранный механизм, так как всегда более добросовестно соблюдается то, с чем субъект согласился, чем то, что ему преподнесено сверху как данное.

В этом контексте возникает также и такой вопрос, как соответствие содержания и качества норм потребностям субъектов, которым они адресованы. В национальном праве законодатель в некоторых случаях весьма далек от истинных потребностей субъектов права, что отчасти влечет за собой стремление данных субъектов, опять же в некоторых случаях, обойти закон. Безусловно, в международном праве также существуют случаи нарушения установленных норм, однако данных случаев несоизмеримо меньше, чем во внутригосударственном.

Отметим, что присутствие позитивного аспекта в рамках категории ответственности и уделение ему должного внимания выводит любую систему права на качественно новый уровень развития и существования.

Реализация позитивной ответственности требует соответствующего уровня правосознания, к которому общество приходит лишь на определенном этапе своего развития. Правосознания, требующего уважения норм права под угрозой внешнего воздействия, недостаточно. Развитое правосознание воспринимает общепринятые нормы как необходимые, отвечающие общим и индивидуальным интересам [15, с. 14].

Можно утверждать, что для должного понимания международного права как правовой системы необходимо обладать как раз вторым, более развитым видом правосознания. Соответственно, нигилистические суждения относительно правовой природы и эффективности МПО базируются как раз на том, что в сознании людей – субъектов внутригосударственного права – прочно закреплена формула «я соблюдаю право, потому что боюсь наказания». Следовательно, «если после нарушения не следует наказания – не соблюдать право не страшно и можно его нарушать, когда нужно», а значит, такое право неэффективно.

Однако международное право, в отличие от внутригосударственного, это саморегулирующаяся правовая система, построенная на соблюдении субъектами правовых норм, выработанных ими самими в процессе согласования воли. В таком контексте, безусловно, категория ответственности рассматривается в первую очередь в позитивном аспекте, так как именно эта саморегуляция и достигается за счет осознанного стремления соблюдения установленных правил, а также за счет осознания необходимости их соблюдения *во благо своих же собственных интересов, а не под страхом наказания*. В этом смысле, на наш взгляд, позитивный аспект ответственности очень важен и в понимании категории ответственности во внутригосударственном праве. Правосознание, базирующееся лишь на страхе наказания за несоблюдение норм права, свидетельствует о невысоком уровне развития общества в целом и правовой культуры данного общества в частности.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что при попытке уместить международно-правовую ответственность в прокрустово ложе внутригосударственного права из виду упускается очень важная деталь, имеющая определяющее значение, – международное право является *качественно* иной правовой системой.

Советский юрист-международник Ю. М. Колосов справедливо подчеркивал, что международное право представляет собой особое общественное явление, особую систему права, качественно отличающуюся от национального права. Юридические понятия и категории внутригосударственного права только внешне совпадают с соответствующими междуна-

родно-правовыми. По существу они зачастую совершенно различны, имеют иную природу и иное значение [21, с. 36].

А. Кассезе говорит о том, что право совершенно необязательно должно быть адресовано физическим и юридическим лицам и иметь централизованные институты, отвечающие за правотворчество и правообеспечение [3, р. 3]. Здесь же можно привести слова А. Пелле о том, что если в рамках нормативной системы нарушение нормы ведет к определенным последствиям, несомненно, такую систему можно назвать правовой [2, р. 4].

Тот факт, что мы привыкли считать правом исключительно внутригосударственное право, не означает, что правовая система, существующая в другом измерении и регулирующая отношения между субъектами иного рода, чем физические и юридические лица, это не правовая система, а также не означает того, что эффективность этой иной правовой системы, эффективность функционирования института ответственности, существующего в ее рамках, нужно и можно измерять с помощью понятий и категорий, характерных для внутригосударственного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Third report on state responsibility, by Mr. R. Ago, Special Rapporteur : UN Doc: A/CN.4/246 and Add.1-3 // Yearbook of the international law commission. – 1971. – Vol. II (1). – P. 200–274
2. *Pellet A., Crawford J., Olleson. S.* The definition of responsibility in international law // The law of international responsibility. – New York, 2010. – P. 3–16.
3. *Cassese A.* International law // McGill Law Student's Association [Electronic resource]. – 2013. – URL : <http://lsa.mcgill.ca/pubdocs/>.
4. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности. – М. : Волтерс Клувер, 2004.
5. *Левин Д. Б.* Ответственность государств в современном международном праве. – М. : Междунар. отношения, 1966.
6. *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность : (Очерк теории). – М. : Юрид. лит., 1976.
7. *Иоффе О. С.* Вопросы теории права. – М. : Госюриздат, 1961.
8. *Шаргородский М. Д.* Детерминизм и ответственность // Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 41–47.
9. *Марченко М. Н.* Проблемы общей теории государства и права (право) : учебник : в 2 т. – М. : Проспект, 2010. – Т. 2. – 643 с.
10. *Вишневский А. Ф., Горбаток Н. А., Кучинский В. А.* Общая теория государства и права : учебник / под общ. ред. В. А. Кучинского. – Минск : Интегралполиграф, 2009.
11. *Дробязко С. Г.* Общая теория права : учеб. пособие. – Минск : Амалфея, 2010.
12. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. со смежными комментариями // Доклад Комиссии между-

народного права о работе ее пятьдесят третьей сессии : док. ООН : А/56/10. – Нью-Йорк : ООН, 2001. – С. 46–379.

13. Проект статей об ответственности международных организаций с комментариями, принятый во втором чтении // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии : док. ООН : А/66/10. – Нью-Йорк : ООН, 2011. – С. 77–201.

14. *Курис П. М.* Международные правонарушения и ответственность государства. – Вильнюс : Минтис, 1973.

15. *Недбайло П. Е.* Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. – 1971. – № 3. – С. 49–54.

16. *Горшенев В. М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М. : Юрид. лит., 1972.

17. *Терехов В. А.* Ответственность по советскому государству и праву. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1973. – С. 183.

18. *Строгович М. С.* Сущность юридической ответственности // Сов. государство и право. – 1979. – № 5. – С. 72–78.

20. *Тиунов О. И.* Принцип соблюдения международных обязательств. – М. : Междунар. отношения, 1979.

21. *Хачатуров Р. Л.* Ответственность в международном праве // Право и политика. – 2005. – № 8. – С. 24–43.

Статья поступила в редакцию 12.07.2013 г.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБСЕ С ИНЫМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ОБЛАСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Е. Ф. Довгань

В настоящей статье рассматривается квалификация ОБСЕ в качестве региональной организации в рамках главы VIII Устава ООН, определяется ее сфера ответственности в системе международных организаций, в том числе на постсоветском пространстве, и механизмы сотрудничества с ООН и региональными организациями.

Present article focuses on qualification of the OSCE under Chapter VIII of the UN Charter; determines its sphere of responsibility for maintenance of international peace and security in the post-soviet area, overviews mechanisms of cooperation with the UN and regional organizations.

Ключевые слова: ОБСЕ, Устав ООН, региональные организации, коллективная безопасность, сотрудничество.

Keywords: OSCE, UN Charter, regional organizations, collective security, cooperation.